

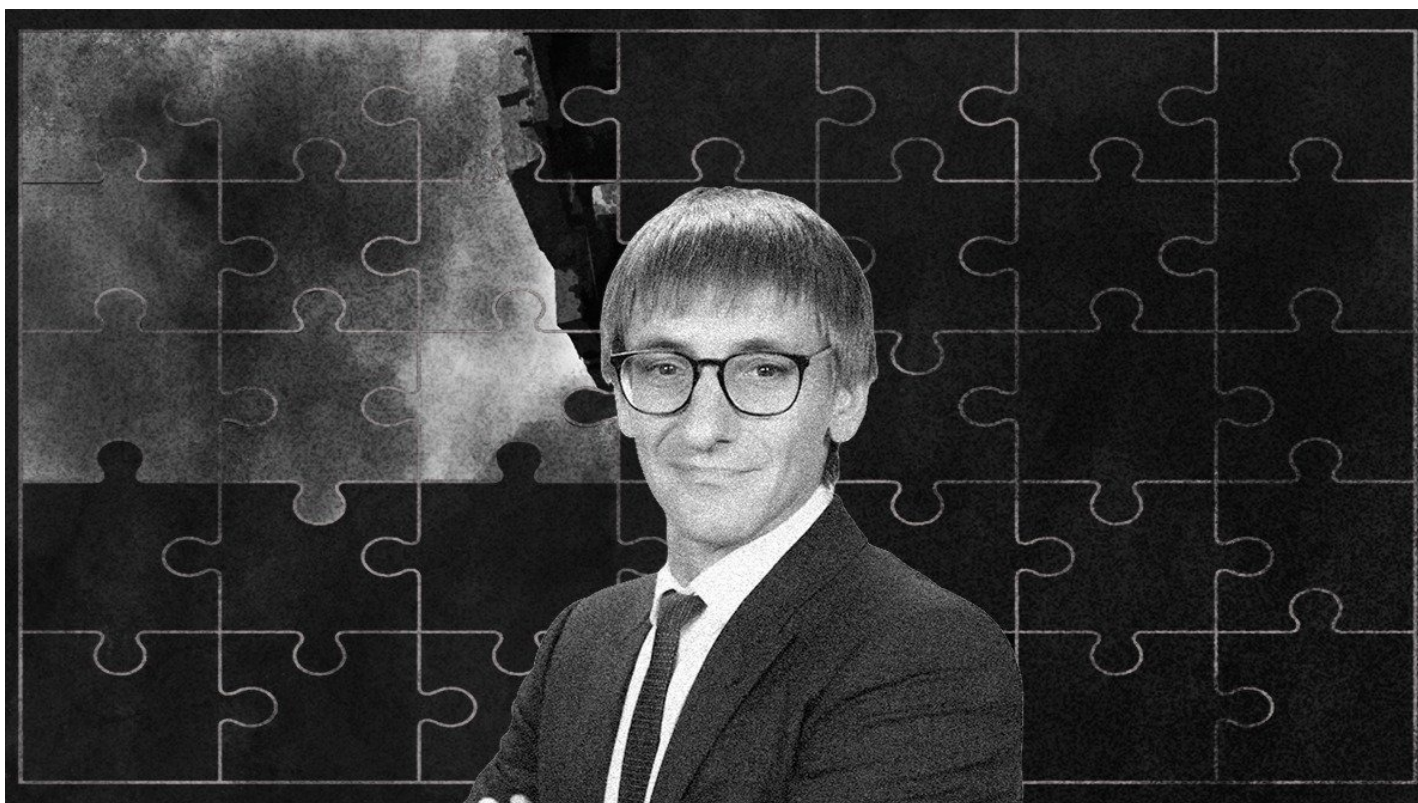

НОВАЯ ГАЗЕТА

ЛАБОРАТОРИЯ БУДУЩЕГО • ОБЩЕСТВО

Вариант невозможного

Точкой старта для «будущего после» является уход Путина от власти. Эссе Михаила Фишмана*

11:29, 13 июля 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Михаил Фишман*

журналист

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ФИШМАНОМ МИХАИЛОМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ФИШМАНА МИХАИЛА ВЛАДИМИРОВИЧА.

Проблема непредставимости будущего появилась задолго до февраля двадцать второго года и является одним из факторов устойчивости режима. Невозможность представить себе будущее — а что будет после? (где «после», это после окончания правления Путина) — это другая сторона безальтернативности: если невозможно представить себе другое будущее, то как за него бороться, как предлагать альтернативный путь развития?

Тем не менее

даже при Путине возникала ситуация «будущего после» — в 2009–2011 годах, во время промежуточного президентства Дмитрия Медведева.

Тогда возникла ситуация, в которой постпутинское будущее было представимо, по крайней мере, для части элиты. Оно

характеризовалось в первую очередь потеплением отношений с Западом (перезагрузка) и перспективой авторитарной модернизации. И, что важно, включало в себя сменяемость власти. Общественное мнение поддерживало повестку улучшения отношений с Западом — и в целом переход ко второму сроку Медведева, который воспринимался как продолжение статус-кво. Это было видно, в частности, по падению рейтингов власти после объявления рокировки.

Теперь же точкой старта для «будущего после», безусловно, является уход Путина от власти — либо очевидная перспектива такого ухода. Второй точкой, плотно связанной с первой, но вторичной по отношению к ней, является завершение военных действий. Понятно, что их завершение фундаментальным образом необходимо для перехода к новому будущему, но оно невозможно без ухода Путина. Круг замыкается, и именно поэтому его уход является определяющим. Постпутинская же реальность вовсе не обязательно характеризуется хаосом. Турбулентность после его ухода неизбежна — сам его уход приведет в движение и элиту, и общество как таковое, и общественное мнение, и политическую повестку, и дискуссии о будущем. Тем не менее адаптивность и элит, и общества к любому порядку и стремление к нормальности должны работать на относительную мягкость перехода.

Инерционный (относительно оптимистический) постпутинский сценарий, видимо, представляет собой преемственность власти, когда власть номинально переходит к одному из нынешних топ-чиновников — скорее, технократу, нежели силовику, — а номенклатура на первом этапе сохраняет свои позиции. Затем начинается аппаратная борьба, целью и смыслом которой является установление более справедливого порядка, в котором элиты — в том числе региональные — чувствуют себя более защищенными от произвола со стороны репрессивного аппарата.

В этой ситуации

перedel сфер влияния внутри элит должен быть направлен на ограничение всевластия спецслужб.

Следует ожидать и рост запроса на федерализацию — частичной передачи полномочий на места, — и в этой связи роста влияния региональных интересов и региональных элит. В том же, что касается общества, главное стремление, которое хорошо видно уже сегодня, — запрос на мир и запрос на нормализацию. И в общественном мнении, и среди элит доминирующая сегодня тема: напряжение от жизни во время ***. Так или иначе, существует если не осознание, то чувство глубокой ненормальности того положения, в котором оказалась страна после февраля двадцать второго.

Эта очевидная для всех ненормальность сегодня проявляется по-разному. Для населения это постоянный дискомфорт, связанный с продолжением военных действий, от проблем с интернетом и интернет-цензурой до идеологического прессинга. Для бизнеса — санкции, ограничения, произвол со стороны силовых органов, тяжелая экономическая конъюнктура и так далее. Но в совокупности эта ненормальность оказывает огромное давление на коллективную социальную психику.

Но не стоит забывать, что после *** должна заявить о себе новая социальная группа — ветераны СВО. Социальный порядок будет в определенной степени определяться тем местом, которое она займет и в обществе,

и в элитах разного уровня, и социальными конфликтами, которые она так или иначе будет провоцировать. Кроме того, должен будет громче заявить о себе и о своих интересах городской средний класс — городская интеллигенция в широком смысле, которая сегодня чувствует себя наиболее уязвимой и которая, как представляется, наиболее пострадала от текущей политики российской власти, наиболее зла на нее, даже если старательно сегодня это скрывает, и отчаянно стремится к восстановлению нормальности: и для себя лично, и для сообществ вокруг себя, и для страны в целом.

Сегодня не видно — в инерционном сценарии, — что будущий постпутинский порядок будет строиться на разных основаниях в разных частях страны. Мощных сепаратистских запросов нет — по крайней мере, в общественном мнении. Однако

сепаратистские сценарии внутри страны могут возникнуть при более острых и конфликтных формах перехода к постпутинизму. Это зависит от того, насколько все затянется, и от того, как поведут себя в ситуации открывшихся возможностей все акторы будущих трансформационных процессов: от элитных технократов до ветеранов СВО, от предпринимателей до силовиков, от притаившихся до поры активистов до дерзающей иного будущего молодежи.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов»